

УДК 81'42

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.099

**МЕТАТЕКСТОВЫЕ ОПЕРАТОРЫ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
(на материале книги «Ни дня без строчки» Ю. Олеси)**

Е. Д. Горячева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена выявлению и описанию коммуникативно-прагматических особенностей метатекстовых операторов в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве. На материале автобиографической книги Ю. Олеси «Ни дня без строчки» автор статьи выявляет закономерности реализации метатекста: установлено, что метатекст призван создать иллюзию диалогической коммуникации автора и читателя, актуализировав авторские размышления о природе творчества, о писательской мастерстве, о художественной словесности. Доказано, что лексическими маркерами метатекста являются лексемы и лексические сочетания с соответствующим значением, номинации литературных жанров. Для метатекста характерны Я-нарратив, реализация субъективной модальности и оценки, автоадресованность и эмотивность.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовые операторы, автобиографический дискурс, адресат, авторская рефлексия.

Современную лингвистику характеризует актуализация различных аспектов традиционных объектов исследования, что обуславливает и появление новых концепций. Относительно новым направлением становится металингвистика, обладающая обширным эвристическим потенциалом. Центральным понятием этой области лингвистики является метатекст, который рассматривается как такой фрагмент текста, в котором актуализированы структура и принципы построения другого текста (см.: [8]). С позиций современной лингвистики самые разные типы текста могут быть подвергнуты анализу с целью выявления в них метатекстовых элементов. При том, что различные ракурсы изучения этого феномена обуславливают поливариативность трактовки метатекста, практически все исследователи понимают его как текст о тексте.

Изучение метатекста было изначально предложено Ж. Женеттом, который еще в 1987 г. определяет метатекст как «способ, которым текст облагораживает книгу, по существу, предлагает саму книгу читателям, а в общем смысле – публике» [21, с. 261]. Для Ж. Женетта метатекст – это

© Горячева Е. Д., 2023

совокупность элементов, начинающих или «окружающих» сам текст, а основной его функцией является привлечение внимания к основному тексту [22].

Несомненно, одну из определяющих ролей в изучении метатекста играет концепция, выдвинутая А. Вежбицкой: метатекст рассматривается как специфический «двутекст» – метатекст и текст о референте [5]. А. Вежбицкая указывает, что метатекстовые компоненты ориентируют на корректное восприятие информации в тексте, что позволяет говорить о метатексте как синтезе общих и частных смыслов, способных к дополнению содержания текста [Там же], то есть это некое взаимодействие коммуникативных эффектов собственно рассуждения и дискурсивной реализации [21]. Очевидно, что адресат метатекста весьма широк: это могут быть читатели, специалисты, а автоадресованность также является одной из частых форм организации метатекста.

Специфика разных видов метатекста обусловлена их организацией: «все типологии метатекста (композиционные, функциональные, формальные и др.) строятся с учетом его специфики – привлечения внимания читателя к непонятным или наиболее существенным фрагментам предметного текста» [8, с. 362]. Наблюдения над разными типами текстов приводят исследователей к мысли о существовании категории метатекстуальности в любом тексте, при этом метатекстуальность реализуется по-разному. Традиционно различают метатексты авторские и переводческие. В настоящей статье обратимся к метатекстам авторским, для которых свойственны определенные метатекстовые операторы, направленные на реализацию взаимодействия автора и читателя.

Различные виды метатекстов характеризуются разными признаками и функциями: так, Ж. Женетт предлагает дифференцировать метатексты, выделяя среди них так называемые пространственные, временные, сущностные, прагматические, функциональные [21]. Ясно, для пространственных метатекстов свойственна пространственная актуализация, а определяющим становится вопрос «где?», позволяющий фиксировать пространственные параметры метатекста. Моменты появления и исчезновения метатекста обозначены временными метатекстами, основным вопросом для которых выступает «когда?». Сущностные метатексты манифестируют отношение к текстуальности самих метатекстов в тексте, отвечая на вопрос «каким образом?». Вопрос «для чего?» становится центральным для прагматических и функциональных метатекстов.

Метатекст рассматривается в узком и широком толкованиях. Если метатекст трактуется в узком смысле, то его понимают лишь как «вербализацию суждения – логической операции» [18, с. 79–80]: в этом случае метатекст – это суждение говорящего, которое вербализовано высказыванием и представляет «метаязыковое сознание говорящего, являюще-

еся составной частью языкового сознания» [1, с. 89]. Исходным постулатом для понимания метатекста в узком смысле служит утверждение о возможности непосредственного наблюдения метаязыковой рефлексии, происходящей на поверхностном уровне, и, как следствие метатекст выступает как компонент текста, ориентированный «на интерпретацию говорящим языковой действительности, то есть это вторичный текст» [14, с. 232].

В результате сближения теории метатекста и семиотики появляется возможность трактовки метатекста в широком смысле: признак метатекста в этом случае – его «ориентированность на языковой код» [18, с. 79–80]. А. Вежбицкая ориентирована именно на такое понимание метатекста: в состав метатекстовых конструкций в ее работах включены различные способы репрезентации речевых тактик говорящего и слушающего. А. Вежбицкая именуется такие метатекстовые конструкции «мета-организаторами высказывания»: таковы, в том числе, организация композиции текста, связь компонентов текста, привлечение внимания адресата к определенным отрезкам текста. Эти «метаорганизаторы» «отражают стратегию автора при производстве текста (различные языковые трансформации, переносы, синонимические замены, парафразы, сравнения и др.)» [5, с. 403].

Оба подхода к пониманию *метатекст* объединяет его изучение как семантической квалификации высказывания: метатекст связан с метакатегорией модуса, которая определяет процесс осмысливания высказывания. В состав этой метакатегории включаются «метасмыслы», которые присутствуют «в высказывании незримо, зримое их присутствие – сигнал нарушения стандартов общения» [20, с. 27] («метасмыслы» говорения, называния, коммуникативного намерения, мотива и цели речевого действия, речевого жанра, выполнение правил речевого поведения). «Метасмыслы» «отражают рефлексии говорящего не над диктумным содержанием, а над самой формой (планом выражения) высказывания» [19, с. 347].

Различия в формировании и функционирования метатекста обусловлены спецификой разных видов дискурса, и одним из наиболее интересных в этом отношении является автобиографический дискурс. Наряду с автобиографическими текстами сугубо прикладного характера (например, резюме (см.: [2]) исследователи обращаются и к автобиографическому дискурсу в целом, к описанию его лингвистических параметров, но таких исследований пока немного [9; 6; 7; 3; 4; 11], в которых представлена методология лингвистического анализа автобиографического текста и автобиографического дискурса. Также автобиографический текст исследуется в гендерном аспекте [12], с позиций прагмалингвистики и коммуникативной стилистики [13], лингвистической поэтики [15]. Репрезен-

тативный материал представлен и в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве, продуцируемом представителями разных видов искусства (см., например: [10]). В качестве материала исследования нами избран цикл Ю. Олеши «Ни дня без строчки» (первая публикация – 1965) [16], который содержит репрезентативные контексты для выявления метатекстовых операторов и описания их коммуникативно-прагматических особенностей в автобиографическом дискурсе. Представляется весьма перспективным изучение самого процесса речемыслительной деятельности автора в коммуникативно-прагматическом и лингвокреативном аспектах.

Очевидно, что метатекстовыми операторами можно признать лексемы и лексические сочетания, семантика которых включает понятия художественной литературы и писательского мастерства, так как «Ни дня без строчки», разумеется, не только автобиографическая проза, но и философские заметки о природе художественной словесности, о проблемах таланта и гениальности, о природе творчества в целом. Так, в следующем контексте *«Книга возникла в результате убеждения автора, что он должен писать... Хоть и не умеет писать так, как пишут остальные»* [Там же, с. 249] такими лексемами следует признать *книга, автора, должен писать, не умеет писать*. Приведенный фрагмент задает общую тональность всей книги Ю. Олеши: автор говорит здесь о себе пока в формах 3-го лица, что в целом соответствует канонам предисловий к различного рода художественным текстам или мемуарам. Интересно, что этикетная формула *не умеет писать, как пишут остальные*, на первый взгляд, отражает скромность автора, однако анализ семантики высказывания должно привести к мысли, что автор знает о своей уникальности и убежден в необходимости для него литературного творчества (ср.: *в результате убеждения*).

Постепенно растущая уверенность в своем таланте приводит автора к мысли о необходимости статьи писателем, и автобиографический дискурс с этого момента приобретает форму Я-нарратива, например: *«Однажды я как-то по-особенному прислушался к старинному изречению о том, что ни одного дня не может быть у писателя без того, чтобы не написать хоть строчку. Я решил начать придерживаться этого правила и тут же написал эту первую «строчку»»* [Там же].

Я-нарратив в книге Ю. Олеши характеризуется употреблением средств субъективной модальности со значением степени уверенности в сообщаемом, например: *«Мне кажется, что единственное произведение, которое я могу написать как значительное, нужное людям, – книга о моей собственной жизни. Что же, очевидно, хотят, чтобы именно я написал, если верят в слух, если сами распространяют. Может быть, нуж-*

но написать, если этого хотят современники? Причем просто подсказывают форму – автобиографический роман... Этим, кстати, показано понимание характера моих писаний» [Там же]. В приведенном контексте репрезентантами субъективной модальности выступают вводные слова и конструкции *мне кажется, может быть, очевидно, кстати*. Очевидно, что в этом фрагменте средствами субъективной модальности следует признать также усилительную частицу *именно*, союз *причем*. В целом данный фрагмент, разумеется, следует признать метатекстовым ввиду его семантики: автор размышляет о содержании своего творчества, высказываясь попутно и о читательском восприятии его текстов, о понимании «характера <...> писаний».

В качестве метатекстовых операторов выступают и структурно-семантические средства организации диалогической речи: такие диалогические фрагменты также содержат, помимо лексических маркеров метатекстуальности (*автобиографический роман, написали, замечательный роман*), и признаки варьирования коммуникативных регистров в диалоге – чередование форм прямой и косвенной речи, а также лексические маркеры эмоциональной реакции собеседницы автора (*огорчилась*) на сообщаемую информацию и авторскую реакцию на эту эмоциональность (*по лицу было видно*): «– Это правда, что вы написали автобиографический роман? Я сказал, что нет, она огорчилась – по лицу было видно, что огорчилась. – Боже мой, а говорят, такой замечательный автобиографический роман» [Там же]

Для автобиографического дискурса Ю. Олеси характерен авто-адресованный метатекст, что закономерно коррелирует с размышлениями автора о природе творческого процесса, о феномене таланта и о воплощении авторского замысла в тексте. Представляется, что метатекстовыми операторами в этом случае выступает маркированность номинациями литературных жанров, которые систематизируют речемыслительную деятельность автора, например: «*Современные прозаические вещи могут иметь соответствующую современной психике ценность только тогда, когда они написаны в один присест. Размышление или воспоминание в двадцать или тридцать строк, максимально, скажем, в сто строк – это и есть современный роман. Эпопея не представляется мне не только нужной, но вообще возможной. Книги читаются сейчас в перерывах – в метро, даже на его эскалаторах – для чего ж тогда книге быть большой? Я не могу себе представить долгого читателя – на весь вечер. Во-первых, миллионы телевизоров, во-вторых, надо прочесть газеты*» [Там же, с. 250]. Автор высказывается вполне определенно о жанрах романа, эпопеи, сопровождая такие высказывания оценкой, практически всегда эмоционально окрашенной. Для реализа-

ции эмотивности в пределах метатекста используются синтаксические конструкции (например, союзное сочетание *не только..., но и*), риторические вопросы (*для чего ж тогда книге быть большой?*). Кроме того, оценочная модальность фиксируется и компонентами Я-нарратива (*я не могу себе представить*), а также вводными словами (*скажем, во-первых, во-вторых*). Также в следующем фрагменте представлены наименования жанров (*пьеса, повесть*): «Однако творческие мысли о будущей пьесе в порядке. Поглупение в том, что уже давно не приходят мне в голову мысли необычного, высшего порядка. Да и были ли они когда-либо мыслями именно такого порядка? Если представить себе поток мыслей Гегеля или Фрейда, то мое мышление, как разговор в метро по поводу того, «как мне доехать туда-то или туда-то», не выше. Надо написать повесть о душе, которая брошена в мир, в ужас и хочет оптимизма, о самом себе, начиная опять-таки с первого прихода в гимназию» [Там же, с. 296–297].

Метатекстовые операторы направляют рецептивно-интерпретативную деятельность читателя с целью коррекции ее результатов, соответствия авторскому замыслу. Поскольку метатекст – это результат авторской рефлексии о собственной деятельности, о языке, являющемся материалом художественной словесности, автор также получает возможность акцентировать внимание читателя на наиболее существенных фрагментах не только собственно текста, но и собственного творчества. Метатекст направлен на анализ, комментирование, описание исходного текста. Для автобиографического дискурса, результатом которого выступает книга «Ни дня без строчки», исходным «текстом» для метатекстовых элементов оказывается вся деятельность Ю. Олеши как писателя, журналиста, публициста, например: «Пусть я пишу отрывки, не заканчивая, но я все же пишу! Все же это какая-то литература – возможно, и единственная в своем смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать – и если пишет, и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так» [Там же, с. 251]

Безусловно, особое место среди метатекстовых фрагментов, выявленных в книге «Ни дня без строчки», занимают такие, в которых автор размышляет о творчестве других писателей. Однако нельзя назвать эти макроконтексты литературно-критическими по причине отсутствия дистанцирования самого Ю. Олеши от предмета рассуждений. Здесь автор как бы сравнивает свое творчество вне сравнительных операций: такое направление интерпретации адресатом намеренно создается автором за счет отсутствия в них лексико-грамматических маркеров повествования от первого лица, например: «главная ценность творчества

Марка Твена, величие этого творчества именно в том, что он написал «Принца и нищего» и эпопею Тома Сойера, то есть создал книги, ставшие знаменитыми книгами для детей, для юношества по впечатлению, произведенному ими на поколения, равные «Робинзону Крузо», «Путешествию Гулливера» и «Дон-Кихоту», романам Жюль Верна, сказкам Андерсена. Не так легко было добавить к этой немногочисленной, гордо замкнутой библиотеке новые книги... Марк Твен добавил их, и это делает его фигуру в литературе уникально великолепной» [Там же, с. 452]. Тем не менее, ориентированность на авторитет, имплицитное желание соответствовать уровню признанных писателей репрезентировано в таких метатекстах: «Иногда говорят, что творчество Грина представляет собой подражание Эдгару По, Амброзу Бирсу. Как можно подражать выдумке? Ведь надо же выдумать! Он не подражает им, он им равен, он так же уникален, как он» [Там же, с. 466] или: «любовь к рыбной ловле – личное дело Хемингуэя, но, изливаясь на бумагу, эта любовь уже предстает перед нами как любовь вообще к миру, превращается в несравненные изображения природы, человека, животных, растений и уже становится поэтому делом литературы» [Там же, с. 473–474].

Таким образом, метатекст в автобиографическом дискурсивном пространстве обладает рядом коммуникативно-прагматических особенностей. Анализ контекстов, выбранных из текста книги Ю. Олеси «Ни дня без строчки» позволил прийти к выводу, что метатекстовыми операторами выступают, прежде всего, лексемы и лексические сочетания, со значениями, манифестирующими отношение данного текста к понятийному полю художественной литературы и писательского мастерства. Метатекст в автобиографическом дискурсе характеризуется маркированием Я-нарратива: таковы повествование от первого лица (с употреблением местоимений и соответствующих грамматических форм), применение разнообразных средств субъективной модальности со значением степени уверенности в сообщаемом, включая вводные слова и конструкции, усилительные частицы. Важное место в организации метатекста занимают диалогические фрагменты, содержащие, кроме лексических маркеров метатекстуальности признаки «переключения» коммуникативных регистров в диалоге (чередование форм прямой и косвенной речи, номинации эмоций). Метатекст также характеризуется автоадресованностью, особое значение для реализации которой имеют номинации литературных жанров, призванные систематизировать речемыслительную деятельность автора и, как следствие, сам текст. Метатекст также включает размышления автора о творчестве других писателей. Правомерно, на наш взгляд, выделение комплекса функций метатекста, в состав которого включены описание, пояснение, анализ исходно-

го текста, регулирование, комментирование, организацию письменной либо устной коммуникации [17], поскольку все эти функции определяются главенствующей коммуникативно-паргматической ролью метатекста: в автобиографическом тексто-дискурсивном пространстве именно метатекст создает иллюзию диалогического общения автора и читателя, репрезентируя, тем самым, облигаторный признак дискурса в целом – его направленность на адресата и воздействие на его познание и эмоции.

Список литературы

1. Андрусенко Е. А. Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева) // Сибирский филологический журнал. 2011. №1. С. 89–94.
2. Артюнина А. А. К вопросу о типологии автобиографического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. № 2. С. 23–28.
3. Болдырева А. А., Кашкин В. Б. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. 2001. № 1. С. 58–70.
4. Болдырева А. А., Кашкин В. Б. Особенности выражения авторского «я» в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2022. № 2. С. 58–70.
5. Вежбицкая А. Метатекст в тексте. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Москва: Прогресс, 1978. С. 402–421.
6. Волошина С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11–15.
7. Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 267–273.
8. Воскресенская Н. А. Функция переводческого метатекста (на материале предисловия Э. Шаррьера к французскому переводу «Записок охотника») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 362–365.
9. Кованова Е. А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Кованова; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2005. 19 с.
10. Левченко И. А. Семантическое пространство автобиографического дискурса художника: основные особенности организации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 4. С. 202–205.
11. Ломова О. Е. Речевое поведение актеров в автобиографических текстах (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Е. Ломова; Ростовский гос. пед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2004. 19 с.

12. Минец Д. В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д. В. Минец; Вологодский гос. пед. ун-т. Вологда, 2012. 22 с.
13. Минзюкова В. В. Автобиографический текст: речевая стратегия как аспект реализации языковой личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 56. № 2. С. 8–11.
14. Мокрова Н. И., Позднякова С. Ю. Метатекст в песнях на кельнском диалекте как выражение языкового сознания диалектоносителя // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 230–233.
15. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. Москва: Флинта, 2017. 424 с.
16. Олеша Ю. Избранное. Москва: Книжный клуб 36.6. 2010. 656 с.
17. Остапенко Д. И. Особенности переводческой предисловий и примечаний как видов метатекста // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 2. С. 179–184.
18. Резанова З. И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии. Язык и культура. 2008. № 1. С. 78–85.
19. Савицкая Л. С. О приеме зачеркивания как средстве метакатегориальной организации модусной перспективы высказывания (на материале интернет-дневников) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 346–349.
20. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного университета, 1994. 47 с.
21. Genette G., Maclean M. Introduction to the paratext // *Probings: Art, Criticism, Genre. New Literary History*. 1991. Vol. 22, № 2. P. 261–272.
22. Lane Ph. Seuils éditoriaux // *Espaces Temps. La fabrique des sciences sociales. Lectures d'une écriture*. 1991. Vol. 47. № 1. P. 91–108.

**METATEXT OPERATORS IN AUTOBIOGRAPHIC DISCOURSE:
COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FEATURES
(based on the book “Not a day without a line” by Y. Olesha)**

E. D. Goryacheva

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article is devoted to identifying and describing the communicative-pragmatic features of metatextual operators in the autobiographical textual-discursive space. Using the material of Y. Olesha's autobiographical book “Not a Day Without a Line”, the author of the article reveals the patterns of metatext implementation: it is established that the metatext is designed to create the illusion of dialogic communication between the author and the reader, actualizing the author's reflections on the nature of creativity, writing skills, and literary literature. It is proved that the lexical markers of the metatext are lexemes and lexical combinations with the corresponding meaning, nominations of literary genres.

Metatext is characterized by self-narrative, the implementation of subjective modality and evaluation, self-addressing and emotiveness.

Keywords: *metatext, metatext operators, autobiographic discourse, addressee, author's reflection.*

Об авторе:

ГОРЯЧЕВА Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета (344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42), e-mail: edgoryacheva@sfedu.ru

About the author:

GORYACHEVA Elena Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the English Language Department of the Humanities Faculties, Southern Federal University (344006 Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42), e-mail: edgoryacheva@sfedu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.